

До приезда на это шоу Цзян Чэнъи и не думал, что гости, которых пригласила съёмочная группа, окажутся настолько «интересными».

Слово «интересные» здесь не было ругательством, но и похвалой его тоже нельзя было назвать.

Одной его фразы хватило, чтобы разрушить самообладание Хэ Суйсуй. Девушка, в которой днём почти нельзя было заметить ничего необычного, теперь смотрела на него покрасневшими глазами.

— Вы умеете гадать судьбу? — Обращение к Цзян Чэнъи у неё сменилось с «Сяо Цзян» на уважительное «вы».

Цзян Чэнъи не придал значения этой перемене. На вопрос Хэ Суйсуй он ответил отрицательно:

— Я не даос. Я просто слышал твой голос сердца.

В глубине души она всё время жаждала хотя бы одним глазом увидеть родных родителей.

Голос был негромким, но эмоции в нём звучали чрезвычайно сильно.

Цзян Чэнъи склонил голову:

— Может, зайдёшь вместе с братом? Поговорим как следует.

Ло Цюмин резко обернулся и обнаружил, что Хэ Суйхуа неизвестно когда подошёл к двери и теперь тревожно смотрит на младшую сестру.

— Заходи. — Цзян Чэнъи поманил его рукой.

Когда все вошли, Ло Цюмин плотно закрыл дверь.

После того как они сели, Цзян Чэнъи прямо спросил Хэ Суйсуй:

— Когда ты узнала, что не родная дочь своих родителей?

Стоило заговорить об этом, как прекрасные глаза Хэ Суйсуй мгновенно потускнели.

— Когда они заболели. В больнице несколько человек из нашей семьи сдавали кровь на анализ, и оказалось, что группа крови не сходится. Потом сделали ДНК, и только тогда я узнала: мама с папой, оказывается, вовсе не мои биологические родители.

Тогда в её потрясении была бесконечная боль.

Позже, когда они умерли, осталась только тоска.

Хэ Суйсуй вытерла слёзы. Во взгляде у неё была лёгкая беспомощность.

— На самом деле я не хочу появляться перед ними. Я просто хочу... хочу посмотреть на них. И всё.

Ей уже было за двадцать. Самое тяжёлое время она пережила, и нельзя было сказать, что рядом с ней совсем не осталось родных. Желание найти биологических родителей было всего лишь желанием увидеть их хотя бы раз.

Сказав это, Хэ Суйсуй немного поколебалась и продолжила:

— Вообще я ещё хочу узнать, что тогда произошло.

Она помнила очень ясно: когда родители узнали, что она не родная, в их глазах было одно лишь потрясение.

То есть у них действительно был ещё один ребёнок. Просто непонятно, почему ребёнок, которого они забрали домой, оказался не их собственным.

Тогда где сейчас другой ребёнок? Как она живёт?

Это было желание, которое родители до самой смерти так и не смогли отпустить. Как их ребёнок... пусть даже приёмная дочь, Хэ Суйсуй считала, что должна помочь им его исполнить.

К тому же она хотела найти для брата родную младшую сестру.

Если та живёт хорошо, тогда они решат по обстоятельствам, признавать родство или нет.

Но если живёт плохо... она считала, что должна помочь.

Хэ Суйсуй долго говорила о своих мыслях. Хэ Суйхуа несколько раз хотел возразить, но позиция Хэ Суйсуй была очень твёрдой.

— Брат, признавать родство или нет — это одно, но мы всё равно должны взглянуть. А вдруг... я говорю вдруг, вдруг ей плохо?

Эта фраза лишила Хэ Суйхуа слов.

Цзян Чэнъи и Ло Цюмин молча слушали. Спустя долгое время Ло Цюмин беззвучно вздохнул.

Молодой человек повернул голову и посмотрел на него, будто услышал этот вздох.

Ло Цюмин горько улыбнулся и рассказал о прежнем случае:

— Раньше была новость. Медсестру отругали из-за рабочих проблем, и она, чтобы выместить злость, за пять лет намеренно подменила несколько десятков детей.

Поэтому он только что подумал: не столкнулась ли Хэ Суйсуй с чем-то похожим?

Если бы возраст совпадал, он, возможно, заподозрил бы, что Хэ Суйсуй и есть один из тех подменённых детей.

Цзян Чэнъи подумал и решил, что слова Ло Цюмина небезосновательны.

Но что именно произошло, сперва надо было отправиться в супермаркет.

— Тогда чего именно ты сейчас от меня хочешь? — спросил Цзян Чэнъи.

Хэ Суйсуй выдохнула и твёрдо, упрямо сказала:

— Я хочу узнать сведения о своих родных родителях. Только сведения. Потом я пойду взгляну на них, а после проверю, является ли их ребёнок родной младшей сестрой моего брата.

Что касается обстоятельств, пусть лучше решать уже после встречи с людьми.

Цзян Чэнъи кивнул и сказал:

— Если только это, я могу помочь. Но не сейчас.

Он, как обычно, достал визитку и передал Хэ Суйсуй:

— Когда шоу закончится, если у тебя останется то же желание, приходи по этому адресу.

Хэ Суйсуй думала, что Цзян Чэнъи — тяньши: мол, сложит пальцы, рассчитает — и сразу поможет.

Она не ожидала, что тот даст ей визитку!

Ло Цюмин увидел сомнение в её глазах и помог Цзян Чэнъи объяснить:

— Сяо Цзян не тяньши. Его способности не ограничиваются поиском вещей или людей.

Обычный тяньши... нет, даже очень сильный тяньши не смог бы подарить мне и Мяомяо ребёнка, а тем более не смог бы полностью закрыть мать и дочь Чжао Цзяминь от Чжоу Вэя.

Возможности супермаркета не укладывались в воображение обычных людей.

Хэ Суйсуй смотрела в глаза Ло Цюмина и по его уверенности поняла: кажется, она недооценила способности молодого человека.

Но как всё на самом деле, она узнает только после настоящего контакта.

Проводив их, Цзян Чэнъи так устал, что веки у него опустились. Он откинулся назад и лёг на мягкую кровать.

Увидев его таким, Ло Цюмин решил, что он пожалел.

Кто бы знал: стоит подойти ближе, и он услышит беспомощное бормотание Цзян Чэнъи:

— Почему опять поиски людей?

Ло Цюмин не понял, что тот имеет в виду. А потом услышал, как молодой человек бормочет о клиентах, которыми занимался в последнее время. Большинству нужно было кого-то найти: младшую сестру, убийцу, организацию торговцев людьми.

А теперь к этому прибавились родные родители. Если так дальше пойдёт, он уже начнёт подозревать, что все будущие клиенты супермаркета будут приходить только ради поисков.

— Разве это плохо? — Ло Цюмин не понимал, почему Цзян Чэнъи так вздыхает. Главное ведь, что можно помогать людям.

Цзян Чэнъи покачал головой:

— Нельзя закреплять у людей слишком узкое представление о супермаркете. У супермаркета очень много возможностей. Использовать его только для поисков — слишком расточительно.

К тому же он боялся: если такой внешний образ закрепится, люди с другими желаниями просто не станут искать супермаркет.

Цзян Чэнъи вздохнул и взъерошил волосы:

— Ладно, после этого выпуска посмотрю по ситуации.

Если бы не ловушка для одного конкретного человека, он бы не стал снова и снова так явно демонстрировать умение искать вещи в программе.

Так что, если говорить начистоту, всё это вина Юй Миня!

Да, именно его вина!

Тяжело фыркнув, Цзян Чэнъи свернулся под одеялом. Сказал Ло Цюмину «спокойной ночи» и вскоре крепко уснул.

На следующий день, ещё до семи утра, Цзян Чэнъи проснулся.

Точнее, проснулся не сам — его разбудил раскалившийся колокольчик.

Цзян Чэнъи посмотрел на колокольчик, который стал горячим почти до ожога. Дух, долго молчавший внутри, всё время что-то бормотал.

□Спаси... человека... человек... спаси...□

□Быстрее! Быстрее, спаси человека... он... вода...□

Взгляд Цзян Чэнъи потемнел. Он распахнул окно и прямо выпрыгнул со второго этажа.

Это напугало режиссёра, который только что включил камеру прямой трансляции. И не только его: зрители, едва зайдя в эфир, чуть не выплюнули еду изо рта.

Цзян Чэнъи приземлился во дворе и некоторое время тихо слушал.

Услышал.

Это был зов о помощи.

Режиссёр сначала подумал, что парень ходит во сне. Хотя, конечно, выпрыгивать во сне со второго этажа тоже было не слишком возможно... Но когда он осторожно приблизился, молодой человек вдруг сорвался с места и побежал в определённую сторону.

Интуиция режиссёра подсказывала: если пойти за молодым человеком, обязательно случится что-то крупное.

Но скорость молодого человека была слишком высокой. Вскоре режиссёр и оператор перестали видеть его фигуру.

— Ху... ху... что это за ребёнок, почему он так носится? — Режиссёр был так измотан, что сел прямо на землю, зажимая грудь, и тяжело задышал.

Он не нёс камеру и всё равно не догнал, что уж говорить об операторе. Они могли только растерянно смотреть в сторону, где исчез молодой человек.

В этот момент в трансляции тоже были одни вопросительные знаки. Никто не понимал, что делает Цзян Чэнъи.

Через десять минут Цзян Чэнъи вернулся босиком, весь мокрый, и нёс на руках мальчика лет пятнадцати.

Увидев, что режиссёр и оператор сидят на земле, Цзян Чэнъи слегка расширил глаза, словно удивился.

— Режиссёр? Что вы тут сидите?

Режиссёр дважды кашлянул, на лице проступило неловкое выражение:

— Мы хотели за тобой побежать, но не догнали... Кхм, не об этом. Кто этот ребёнок?

— Тонул. Я уже откачал воду, только возле места, где он тонул, ничего нет, а телефон я не взял, поэтому пришлось сначала вернуться. — Хотя угрозы жизни уже не было, лучше всё равно съездить в больницу. И желательно вызвать полицию, чтобы выяснить, чей это ребёнок.

Режиссёр и оператор не ожидали, что Цзян Чэнъи с утра выбежал спасать человека.

Зрители трансляции тоже замерли. Они придумывали много причин, но никак не думали, что молодой человек побежал кого-то спасать.

Пользователи, которые раньше смеялись над ним, теперь покраснели от стыда.

Увидев их оцепенение, Цзян Чэнъи тоже наконец сообразил. Продолжая держать на руках ребёнка без сознания, он напомнил:

— Режиссёр, помогите позвонить в полицию.

Режиссёр резко пришёл в себя и поспешно достал телефон, чтобы набрать экстренный номер.

Когда полиция и остальные приехали, все другие гости уже проснулись от шума.

У Юй Миня и так был скверный характер по утрам, а после бессонной ночи лицо у него выглядело совсем мрачным.

Но он прекрасно понимал, что съёмочная группа уже, скорее всего, ведёт трансляцию, поэтому мог только в комнате привести лицо в порядок и уже потом выйти.

Однако сцена во дворе всё равно заставила его сорваться.

Все гости сидели вокруг того молодого человека. Даже Ло Цюмин уступил ему центральное место. Красивые актрисы улыбались и болтали с ним.

Даже режиссёр смотрел на Цзян Чэнъи с ласковым выражением.

Но вчера всё было не так!

Что опять произошло?

В этот момент Цзян Чэнъи как раз отвечал на настойчивый вопрос Ло Цюмина о спасении:

— Откуда ты узнал, что кто-то тонет?

Молодой человек ткнул в своё ухо:

— Ты забыл? У меня острый слух.

Не только человеческие голоса сердца. Если он не подавляет слух, то может ясно слышать движения в радиусе одного ли.

Тот ребёнок был дальше одного ли, но если слушать внимательно, кое-что всё равно можно было уловить.

Гости вокруг дружно подперли лица руками и выразили невероятное восхищение. Ци Юнь вздохнула:

— Хорошо, что ты был здесь. Иначе тот ребёнок бы...

Она не договорила, но все понимали, чем заканчивается эта фраза.

Это действительно заслуга Цзян Чэнъи.

И из-за того, что Цзян Чэнъи спас человека, хотя было всего восемь утра, количество зрителей трансляции уже превысило несколько сотен тысяч.

На Даяне даже появился тренд о том, как Цзян Чэнъи спас человека.

Пользователи, которые видели всё от начала до конца, с интересом обсуждали прежнюю картину: как он перепрыгнул через окно второго этажа, как бежал по грязной земле без обуви... На слух всё это походило на постановку.

И людей, заявлявших, что всё это сценарий, было немало.

Но зрители, смотревшие с самого начала, больше верили собственным глазам. Ведь потрясение режиссёра никак не выглядело игрой.

К тому же... они позвонили в полицию и вызвали скорую. Такое не подделаешь!

Цзян Чэнъи не знал, что из-за него в сети начался небольшой спор. Разговаривая с людьми, он другой рукой прижимал колокольчик на запястье.

После спасения человека колокольчик снова стал холодным. Дух внутри тоже снова притих.

Но когда Цзян Чэнъи отдал ему заслуги за спасение, колокольчик словно ожил и стал тёплым.

Как странно...

Цзян Чэнъи одновременно разговаривал с людьми, прижимал колокольчик и пытался мысленно обсудить с супермаркетом перемены в колокольчике. Но супермаркет в этот момент упрямо молчал. Явно хотел, чтобы он сам думал.

Цк!

Он думал так долго, что режиссёр уже почти объявил задание, но результата всё равно не было. Только интуиция подсказывала: это хорошее изменение.

Раз не плохое, Цзян Чэнъи в итоге решил оставить всё как есть.

Следующие два дня все восемь человек оставались на чайной горе: учились у чаеводов собирать и обжаривать чай. Ничего особенного больше не происходило.

Только вечером третьего дня к их домику пришла группа людей.

Четверо крепких взрослых мужчин, шесть взрослых женщин и тот самый мальчик, которого спас Цзян Чэнъи. Все они ровно стояли во дворе.

Увидев столько людей, съёмочная группа насторожилась.

Пришли такой толпой. Что они хотят?

В итоге эти люди, которые в глазах съёмочной группы выглядели очень опасными, узнав Цзян Чэнъи, вместе с ребёнком дружно опустились на колени. И не дали Цзян Чэнъи ни малейшей возможности отказаться.

Цзян Чэнъи едва не умер от испуга. Он тут же бросил ингредиенты, которые держал в руках, и кинулся поднимать людей.

Ло Цюмин и остальные поспешно пошли помогать. Но непонятно, что эти люди ели с детства: силы у них было пугающе много. Стоило им слегка оттолкнуть Ло Цюмина с остальными, и те едва не упали.

— Этот мальчонка — единственный росток в нашем поколении семьи У. Раз благодетель спас его, значит, он должен поклониться благодетелю.

Цзян Чэнъи хватал по одному человеку за раз и поднимал их. Услышав эти слова, он поспешно замахал рукой:

— Не надо... не надо так. Я правда не могу такое принять.

Но после того как он по очереди поднял всех, их глаза, смотревшие на него, стали ещё ярче.

— Благодетель и есть благодетель! Силища-то какая, гинь[1]!

Взрослые с огромным энтузиазмом окружили Цзян Чэнъи и осыпали его похвалами.

Но из-за странного акцента Цзян Чэнъи слышал вокруг лишь жужжащее «гинь-гинь-гинь».

М-м, правда очень гинь.

Даже когда он проводил их, Цзян Чэнъи ещё не совсем пришёл в себя. Пока Ци Юнь и её подруга не вскрикнули:

— Смотрите! Целая корзина свежей говядины!

Если посмотреть туда, куда она указывала, у ворот стояла бамбуковая корзина, полная свежей говядины.

Сразу было видно: те люди тихонько её оставили.

Цзян Чэнъи резко выбежал наружу. Но где там были их тени? Все уже давно убежали!

— И что теперь? Брать? — Фраза Хэ Суйсуй заставила всех присутствующих задуматься.

В конце концов все посмотрели на Цзян Чэнъи. Это явно была благодарность ему, значит, решать должен он.

Цзян Чэнъи неловко почесал голову. Он подошёл к бамбуковой корзине и сразу увидел свёрток, засунутый у края.

Прямоугольный, примерно шестнадцать на восемь сантиметров, толщиной больше половины ладони.

Он вдруг почувствовал... что эта вещь очень горячая.

Тем более в прямой трансляции!

Режиссёр находился недалеко от ворот и тоже увидел свёрток.

— Это... — Он резко втянул воздух. В голове мгновенно всплыло одно предположение.

У Цзян Чэнъи голова заболела ещё сильнее. Он открыл свёрток, посмотрел и беспомощно вздохнул:

— Так и есть... Сто тысяч наличными.

Пока остальные ещё не пришли в себя, Цзян Чэнъи передал деньги режиссёру:

— Режиссёр, помогите мне пожертвовать это от имени программы местному приюту.

— А?

Режиссёр не ожидал, что Цзян Чэнъи поступит так. Он потрясённо посмотрел на молодого человека и увидел его тёплые, яркие глаза.

Глаза были прозрачные и светлые. Когда он отдавал сто тысяч, в них не было ни капли сожаления или боли.

Он пожертвовал деньги добровольно, без малейшего принуждения. Даже не стал колебаться. Вот так просто... попросил его пожертвовать?

— Ты... а, ты уверен? — Для обычного человека сто тысяч ведь немалая сумма?

Но Цзян Чэнъи совсем не волновался:

— Я уже сказал это перед камерой, конечно, не передумаю.

Он спасал человека просто чтобы спасти человека. Не ради этих вещей.

Только проблему денег было легко решить, а что делать с целой корзиной говядины?

Цзян Чэнъи немного подумал, достал из неё порцию говядины, достаточную, чтобы они восьмером поели, потом раздал немного присутствующим сотрудникам, а остальное снова поручил режиссёру.

— Когда жертвуете деньги, заодно отдайте говядину.

Теперь уже режиссёр немного потерял дар речи. Почему ему кажется, что Цзян Чэнъи вообще не хочет ни с чем возиться?

История о том, как он спас чужого ребёнка, а потом вся семья ребёнка встала на колени, отправила мясо и деньги, быстро снова выбилась в тренды. Имя Цзян Чэнъи после начала трансляции появлялось всё чаще.

Обычный участник принёс больше популярности, чем звёздные гости. Это действительно удивляло.

Но следом набежала армия ботов, уверявших, будто за ним стоят деньги и связи.

Ботов было много, и вскоре комментарии оказались захвачены.

Когда супермаркет сообщил Цзян Чэнъи об этом, тот даже бровью не повёл. Набрал воды и плеснул себе в лицо.

Едва Цзян Чэнъи вышел из ванной комнаты, как столкнулся с Юй Минем, спускавшимся со второго этажа. Они встретились взглядами, и Юй Минь быстро нацепил фальшивую улыбку.

Когда тот проходил мимо, Цзян Чэнъи вдруг рассмеялся:

— Эй, я слышал, ты хочешь найти свою мать?

Сердце Юй Миня на миг пропустило удар. Он резко повернул голову и посмотрел на Цзян Чэнъи.

Молодой человек стоял всего на одну ступеньку выше него, но его взгляд сверху вниз был похож на взгляд божества из облаков, смотрящего на людей: в нём было высокое, отстранённое сострадание.

От такого взгляда Юй Миню захотелось вырвать ему глаза!

Его дыхание тут же стало заметно тяжёлым. Атмосфера между ними ощутимо накалилась.

Когда Юй Минь уже почти не мог сдержаться, издали послышались шаги.

Появилась младшая сестра Юй Миня.

— Брат... — тихо позвала она, но так и не осмелилась посмотреть Юй Миню прямо в глаза. — Режиссёр спрашивает, готов ли ты...

Прежде бесстрастное лицо Юй Миня при появлении сестры медленно расплылось в улыбке.

Однако эта улыбка выглядела как оскал свирепого зверя, раскрывающего клыки.

Цзян Чэнъи тоже улыбнулся.

Раз зверь показал клыки, значит, он почти больше не может терпеть.

Его план и правда работает. Всего несколько дней, и Юй Минь уже не выдерживает, уже готов наброситься на него.

Двое высоких молодых мужчин улыбнулись друг другу. Атмосфера казалась вполне дружелюбной, но стоявшая рядом сестра чувствовала только холод во всём теле, как в те годы, когда отец тащил её прочь.

Юй Минь ушёл первым. Цзян Чэнъи отказался от мысли вернуться в комнату и повернулся к младшей сестре Юй Миня.

Сестра очень нервничала, не зная, что этот человек хочет сделать. Вскоре она услышала над головой мягкий голос.

Он сказал:

— У меня есть вещь, которая может исполнить твоё желание. Хочешь заключить сделку?

* * *

Вечер был лучшим временем для съёмочной группы устраивать провокации.

Восемь участников по договорённости программы начали играть в «Правду или действие».

Это мгновенно привлекло огромный трафик. Все хотели посмотреть, какие «правды» всплывут между этими звёздами.

А вдруг всплывёт какой-нибудь громкий скандал?

Режиссёр дружески предоставил стеклянную бутылку и сам начал вращение, выбирая первого человека.

Взгляды всех были прикованы к стеклянной бутылке. Только внимание Цзян Чэнъи и Ло Цюмина было на говядине на жаровне рядом.

Говядина, которую прислала та семья, была особенно хорошего качества. Стоило подойти ближе, и чувствовался молочный аромат. После жарки на углях запах становился ещё богаче.

Цзян Чэнъи и Ло Цюмин глубоко вдохнули аромат в воздухе. Двое мужчин снова мгновенно проголодались.

И как раз в этот момент горлышко бутылки указало на Ло Цюмина. Первым попался именно

самый знаменитый киноимператор.

Ло Цюмин тоже немного опешил, но сразу развёл руками:

— Давайте. Спрашивайте, что хотите.

Если речь о нём самом, то особо скрывать было нечего.

Глаза остальных шестерых загорелись возбуждением, но из уважения к Ло Цюмину они задали относительно безопасный вопрос:

— Тогда вы с Чжан Мяомяо-лаоши говорили, что Цзян Чэнъи — ваш благодетель. Можно спросить, что именно он сделал для вас?

Это сильно интересовало и поклонников пары.

Главным образом они никак не могли придумать, что эти двое пережили, чтобы Цзян Чэнъи, обычный человек, вмешался и помог.

К тому же, по тому, насколько горячо эта пара относилась к Цзян Чэнъи, фанаты понимали: этот долг благодарности очень весомый!

Улыбка Ло Цюмина застыла. Он подсознательно посмотрел на Цзян Чэнъи. Молодой человек как раз тоже смотрел на него. Они встретились взглядами, и Ло Цюмин почесал голову, немного неуверенно спросив:

— Это... можно говорить?

Цзян Чэнъи было всё равно. Методы супермаркета не то чтобы каждый мог повторить. Даже если кто-то начнёт проверять... проснитесь, денежных сделок у него не было. Что тут проверять?

Увидев такое выражение на лице Ло Цюмина, остальные заинтересовались ещё сильнее.

А потом услышали, как тот сказал:

— Сяо Цзян помог нам зачать ребёнка.

Цзян Чэнъи как раз держал шашлычок. Услышав эти слова, он резко застыл, и на лице проступил испуг.

— Стой! Скажи яснее! — Ло Цюмин, в твоей фразе слишком много двусмысленности!

Что значит помог им зачать? Звучит так, будто он лично поучаствовал в ребёнке этой пары!

— Эй! Подожди! Я не это имел в виду! — Ло Цюмин запаниковал и хотел объяснить, но окружающие уже хватались за животы и падали от смеха.

Даже сотрудники съёмочной группы не удержались от фыркания.

Под яростным взглядом Цзян Чэнъи Ло Цюмин с плачущим лицом объяснил:

— Сяо Цзян дал нам тайный рецепт, и мы с женой наконец смогли зачать! Вот что я имел в виду, а-а QAQ.

Цзян Чэнъи: =_ =

Ещё немного, и его невинность погибла бы.

Да, это было смешно. Но никто не ожидал, что «благодетель» Цзян Чэнъи связан именно с такой благодарностью.

Впрочем, для супругов Ло и Чжан, которые мучились столько лет и наконец получили желаемое, неудивительно, что они так хорошо относятся к Цзян Чэнъи.

Ци Юнь с любопытством захотела узнать, что это был за тайный рецепт, но Цзян Чэнъи указал на неподвижную бутылку и с улыбкой сказал:

— Дождётесь, пока выпадет мне, тогда спросите.

Затем бутылку начал вращать Ло Цюмин.

Жаль, она не указала на Цзян Чэнъи.

Третий раз, четвёртый... До десятого раза бутылка всё ещё ни разу не остановилась на Цзян Чэнъи. Это разожгло у всех боевой дух.

— Нет! Сегодня я обязательно докручу до тебя! — Ци Юнь закатала рукава, всем видом показывая: сестра вступает в бой.

Цзян Чэнъи подпёр подбородок рукой и с интересом смотрел, как она яростно крутит бутылку.

В отблесках огня его улыбающиеся глаза казались ещё ярче, особенно когда он смотрел на других: возникало ощущение тёплого зимнего солнца на юге.

Режиссёр смотрел на комментарии зрителей в трансляции, и в его глазах мелькнул острый блеск.

И в этот момент Юй Минь, который почти не говорил во время игры, вдруг открыл рот:

— Сяо Цзян, тебе интересно войти в шоу-бизнес? У меня как раз есть сценарий. Ты очень подойдешь на роль третьего мужского персонажа. Если интересно, я могу порекомендовать тебя режиссёру.

Улыбка в глазах Цзян Чэнъи мгновенно исчезла. Он равнодушно скользнул по Юй Миню взглядом и холодно отказался:

— Не нужно.

Юй Минь будто не услышал холода и продолжил:

— Хотя это третий мужской персонаж, образ очень яркий...

То, как он уговаривал, легко могло заставить других подумать, что Цзян Чэнъи отказался из-за места в списке ролей.

Температура в глазах Ло Цюмина тоже упала. Он грубо перебил Юй Миня:

— Не надо говорить Сяо Цзяну такое. Он не будет входить в шоу-бизнес. Даже для этой программы мы с Мяомяо долго его упрашивали, и он согласился только ради нашего лица.

Если даже на одно шоу его пришлось долго уговаривать киноимператору и киноимператрице, то что уж говорить о другом.

И вообще, Юй Минь, ты кто такой?

Холодный, нетерпеливый тон Ло Цюмина наконец остудил голову Юй Миня, которую перегрела зависть.

Он прокрутил в голове своё поведение и тут же понял: плохо.

Если бы Цзян Чэнъи только что не выглядел настолько способным очаровывать людей и вызывать тревогу, он бы не совершил такую глупость.

Прежде оживлённая атмосфера вдруг остыла.

Остальные пятеро тонко почувствовали, что Ло Цюмин злится, и все посмотрели на Юй Миня, ожидая его реакции.

У Юй Миня по спине потёк холодный пот. Он понимал, что сейчас поступил слишком навязчиво и оскорбительно, но в душе был крайне недоволен.

Не идёт в шоу-бизнес? Тогда зачем он пришёл на это шоу? Он не верит, что если отказать жёстко, Ло Цюмин сможет связать человека и притащить.

Не идёт в шоу-бизнес — тогда зачем ему такая красивая внешность? Проще говоря, он хочет войти в профессию сразу первым мужским номером, не так ли!

Зависть и страх жгли его изнутри. Душа в глубине его тела скручивалась и редела.

— Эх, правда жаль. — Улыбка на его лице не изменилась, только прибавилось сожаление.

— Сяо Цзян так красив. Если войдёт в шоу-бизнес... — Он оправдывал себя и одновременно скрыто подталкивал чужие мысли.

Цзян Чэнъи холодно смотрел на его спектакль. Вдруг опустил глаза и рукой нажал на остановившуюся бутылку.

— Ци Юнь? Можно теперь я покручу?

В прошлый раунд бутылка указала на Ци Юнь.

Все до этого слушали Юй Миня. Цзян Чэнъи открыл рот неожиданно и сразу перетянул их внимание.

— А... а-а-а! Конечно можно!

Ци Юнь немного растерялась. Она не знала, что хочет сделать Цзян Чэнъи. Он хочет вернуть разговор к «Правде или действию»?

Но когда она увидела, куда остановилось горлышко, эта мысль исчезла.

Потому что бутылка, которую крутил Цзян Чэнъи, указала точно на Юй Миня.

Юй Минь теперь совсем не мог улыбаться. Он очень ясно понимал: этот ход был намеренным.

— Можно я задам вопрос? — мягко спросил Цзян Чэнъи у Ци Юнь.

Ци Юнь... конечно, была не против!

И не только не против, в её глазах вспыхнул яркий свет. Это был возбуждённый свет любительницы скандальных сплетен!

Получив согласие, Цзян Чэнъи прямо спросил Юй Миня:

— Ты знаешь причину, по которой твоя мать ушла из семьи, верно?

Увидев, как Юй Минь открывает рот, Цзян Чэнъи неспешно добавил:

— Достаточно ответить: верно или нет.

Это был первый раз, когда Цзян Чэнъи так явно не оставил Юй Миню лица перед людьми. Но точно не последний.

Рот Юй Миня, который только что открылся, сразу снова закрылся.

Спустя долгое время он выдал из себя одно слово:

— Верно.

Одного этого слова было достаточно, чтобы вызвать множество догадок.

Знает причину, по которой мать ушла из семьи. Тогда почему не говорит?

Неловко говорить? Или нельзя говорить?

Пользователи моментально выдвинули всевозможные версии и начали анализировать микровыражения Юй Миня.

Юй Минь не то чтобы не хотел соврать, но какой смысл лгать перед группой актёров?

Он не считал свою актёрскую игру настолько хорошей, чтобы обмануть Ло Цюмина, киноимператора.

Самое страшное: если он соврёт, Ло Цюмин за минуту может прямо разоблачить его. Тогда всё станет ещё хуже.

— Теперь твоя очередь. — Цзян Чэнъи передал бутылку Юй Миню. Теперь крутить должен был он.

После такого развития Юй Миню лучше было отказаться от игры и перевести тему в другую сторону.

Но когда он встретился с насмешливыми глазами Цзян Чэнъи, рассудок Юй Миня вдруг отключился.

Он резко крутанул бутылку. Удачно: горлышко остановилось на Цзян Чэнъи.

Со всей накопившейся злобой он спросил:

— Какой самый мерзкий поступок ты совершал?

Люди рядом дружно расширили глаза и потрясённо посмотрели на Юй Миня.

Он с ума сошёл? Как можно задавать такой вопрос перед камерой!

Зрители трансляции тоже зашумели. Одни считали, что Юй Минь безумен, другие думали, что это всё-таки игра, а Цзян Чэнъи не из индустрии, может и сказать.

Ло Цюмин теперь был по-настоящему зол. Он хотел остановить этот фарс, но ещё не успел заговорить, как услышал смех Цзян Чэнъи.

— Самый мерзкий поступок, который я совершал? — Молодой человек улыбался так мягко, будто отвечал не на злонамеренный вопрос, а на простое «ел ли ты сегодня».

Но слова, которые он затем произнёс, заставили всех присутствующих ощутить холод.

— Я взял одну человекообразную штуку и разорвал её на куски, как бумагу. Как бы она тогда ни умоляла меня, даже когда попыталась подкупить меня деньгами, я не остановился.

— В конце она стала такой, как эта чашка.

Все взгляды сосредоточились на руке молодого человека. Белые длинные пальцы держали чашку цвета лунного фарфора. Картина была очень красивой.

Но в следующую секунду чашка с хрустом превратилась в бесчисленные осколки и посыпалась на землю.

Цзян Чэнъи вот так, голыми руками, раздавил целую чашку.

Всё вокруг погрузилось в тишину.

Горло Юй Миня дрогнуло. Он мёртво уставился на керамические осколки на земле. На миг даже заподозрил, что перенёсся в другой мир.

В современном обществе... правда есть люди, способные голыми руками раздавить керамическую чашку?

В этой тишине Цзян Чэнъи будто совсем не понимал, что сделал. Он весело помахал в сторону режиссёра:

— Режиссёр! Сколько стоит эта чашка, запишите на мой счёт!

Затем он продолжил крутить бутылку. Когда горлышко остановилось, его глаза прямо впились в Юй Миня.

— Снова ты. Тогда... скажи, о чём ты думал, когда смотрел, как твою маму избивают до ран по всему телу и почти до смерти?

Эти слова окончательно подняли в сердцах всех огромные волны.

У молодого человека на губах была улыбка, а глаза под лунным светом сияли особенно ярко.

Юй Минь почувствовал холод во всём теле.

Его мать сбежала, когда ему было семь или восемь лет, и после этого больше не возвращалась.

Так как этот человек узнал, что было тогда?

Расследовал? Нет, абсолютно невозможно! Его семья всегда была очень сплочённой, и вся деревня крайне настороженно относилась к чужакам. Даже если кто-то захотел бы его расследовать, такую вещь точно не раскопал бы.

— Что за бред ты несёшь! — Юй Минь резко поднялся и яростно указал на Цзян Чэнъи.

Молодой человек по-прежнему улыбался, и голос его был очень мягок:

— Правда? Я правда несу бред?

Юй Минь хотел сказать «да», но не знал, какая магия была в глазах молодого человека. Слово «да» никак не выходило из горла.

Он чувствовал взгляды, летящие со всех сторон: любопытные, исследующие, презрительные, ненавидящие... Как Юй Минь, с его огромной самооценкой, мог такое выдержать?

В крайней ярости он резко попытался перевернуть стол.

Но чья-то рука с глухим звуком ударила по столешнице и остановила его.

— Хочешь перевернуть стол? С твоей силой? — Цзян Чэнъи приподнял бровь. Выражение было крайне насмешливым.

Юй Минь окончательно сорвался. Не думая, схватил бутылку и ударил ею Цзян Чэнъи по голове.

Цзян Чэнъи уже собирался защищаться, но увидел, как за его спиной появляется полупрозрачная фигура. Длинная сильная рука вытянулась, и стеклянная бутылка, наоборот, опустилась на голову Юй Миня.

А в глазах остальных Юй Минь попытался атаковать Цзян Чэнъи бутылкой, но «случайно» рука у него соскользнула, и бутылка ударила его самого по макушке.

С глухим стуком Юй Минь рухнул на землю. По его лбу медленно потекла ярко-красная кровь.

— !!!

Никто не ожидал, что эта игра приведёт к такому серьёзному происшествию. Первой реакцией режиссёра было выключить трансляцию.

Затем он сорвал горло криком:

— Скорую! Быстро!

Но с выключением камеры он всё-таки опоздал на совсем чуть-чуть. Бесчисленные зрители ясно увидели, как Юй Минь сам получил обратный удар.

Пока съёмочная группа превратилась в хаос, Цзян Чэнъи медленно обернулся.

За его спиной никого не было.

Но он точно знал: только что за ним появилась человекообразная фигура.

Цзян Чэнъи подсознательно посмотрел на колокольчик на запястье. И правда... на колокольчике ещё не успел рассеяться свет.

Дух в колокольчике появился и спас его.

Так этот парень восстановился?

Фокус внимания Цзян Чэнъи совершенно отличался от остальных. Он не обращал внимания на Юй Миня без сознания, а один стоял в стороне и размышлял.

Другие гости тоже не хотели трогать Юй Миня. Двух вопросов Цзян Чэнъи было достаточно, чтобы они почувствовали неладное в этом человеке.

Ло Цюмин боялся, что Цзян Чэнъи будут ругать фанаты Юй Миня, и поспешно связался со своей студией, велел им подавить любые негативные темы о Цзян Чэнъи.

— Любой ценой. Подавить!

Большой босс лично отдал приказ, и вся студия быстро начала действовать.

Отдав распоряжение, Ло Цюмин поднял голову, собираясь поговорить с Цзян Чэнъи, но не нашёл даже его тени.

В это время Цзян Чэнъи вышел на тропинку за домиком. У дороги уже стоял один человек.

— Ты правда... можешь помочь мне уйти из этой семьи?

Младшая сестра Юй Миня была одета только в тонкую кофту. Её худое тело казалось таким, будто рухнет в любую секунду.

— Есть цена. Но мне не нужны деньги и не нужна твоя жизнь. Мне нужны только заслуги.

— А если заслуг не хватит? — Сестра задала очень важный вопрос.

Под деревом молодой человек сложил руки на груди. Его светлые зрачки отражали чистый лунный свет, и именно эти глаза придали сестре смелость произнести желание.

Цзян Чэнъи указал ей выход. Если она согласится это сделать, то после успеха получит очень, очень много заслуг.

И этих заслуг будет достаточно, чтобы помочь ей полностью уйти из той семьи.

— Можешь сначала вернуться и подумать. Честно говоря, это дело довольно опасное. Подумай как следует, а потом приходи ко мне.

Проводив сестру, Цзян Чэнъи долго молча прислонялся к стволу дерева.

В конце концов он щёлкнул по колокольчику:

— Раз восстановился, выходи! Что у тебя такого постыдного?

Едва голос стих, перед ним появилась высокая фигура.

[1] «гинь» передаёт странное диалектное произношение слова со значением «сила, мощь»

<http://bllate.org/book/17657/1724448>